

ЭПОХА КАРОЛИНГОВ: ИСТОРИЯ И ИСТОРИИ

Каролингская эпоха занимает совершенно особое место в истории средневековой Западной Европы. Именно тогда — во второй половине VIII — IX в. — были заложены прочные основания того, что сегодня принято называть европейской цивилизацией с ее ощущением внутренне-го единства, ни в коей мере не противоречащего культурному многообразию, удивительной способностью к изо-бретению новых социальных институтов и склонностью к активной экспансии¹.

Истоки всего этого так или иначе восходят к Каролингской империи. Формальным рубежом в рождении этого обширного политического образования принято считать 800 г., когда правитель франков Карл Великий принял императорский титул и стал императором Запада — первым после Ромула Августула, свергнутого в 476 г. Пышная церемония, состоявшаяся в Риме при активном участии папы Льва III, с одной стороны,

¹ Осознание этого факта в свое время подсказало замечательному французскому историку Пьеру Рише название одной из его лучших книг. См.: *Riché P. Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe.* Paris, 1983. С начала XXI в. историки все увереннее говорят о формировании европейской идентичности как главном результате деятельности Каролингов, о «создании» Европы и даже о «Евросоюзе» Средневековья. См.: *Barbero A. Charlemagne: Father of a Continent.* Berkeley, 2004; *McKitterick R. Charlemagne: The Formation of a European Identity.* Cambridge, 2008; *Левандовский А. П.* Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» Средневековья. М., 2013. О каролингской эпохе в целом см.: *Karl der Grosse. Lebenswerk und Nachleben / Hg. N. Beumann, B. Bischoff, H. Schnitzler, W. Braunfels, P. E. Schramm.* 4 Bd. Düsseldorf, 1965–1968; *McKitterick R. The Frankish Kingdoms under the Carolingians, 751–987.* London; New York, 1983; *Nelson J. The Frankish World, 750–900.* London, 1996; *Costambeys M., Innes M., MacLean S. The Carolingian World.* Cambridge, 2011; *Сидоров А. И.* В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов (VIII–IX вв.). СПб., 2018.

закрепила определенный этап долгого развития, а с другой — определила направление дальнейшего движения².

Ядром Каролингской державы стало Франкское королевство — одно из политических образований, созданных варварами-германцами на обломках Западной Римской империи, по факту оказавшееся наиболее жизнеспособным. Оно появилось в конце V в. на территориях между Рейном и Маасом, но довольно быстро включило в свои границы земли центральной и южной Галлии вплоть до Пиренеев с одной стороны и Апеннин — с другой.Правили в нем короли из рода Меровингов, сначала вполне успешно и самостоятельно, но к концу VII в. уступив реальную власть майордомам — «дворцовыми управителями» из среды высшей франкской знати. С начала VIII в. после небольшого затишья завоевания вновь активизировались, причем военная экспансия с большим или меньшим успехом шла практически по всей протяженности границ. В результате к 800 г. под властью франков оказалась огромная территория — от Балтики на севере до Барселоны и Рима на юге, от Атлантиki на западе до Эльбы и Дуная на востоке.

Известный тогдашним образованным европейцам обитаемый «круг земель» (*orbis terrarum*), по сути, был поделен между тремя крупными политическими образованиями. На Балканах и в Малой Азии господствовала Византия — прямая наследница великого Рима. На пространстве от Индии до Испании раскинулся Арабский халифат. Европа же почти полностью оказалась во власти франков, и не было здесь силы, способной хоть как-то им противостоять. Императорский титул Карла Велико-

² Имперская коронация Карла довольно хорошо представлена в источниках, но свидетельства эти противоречивы, поскольку отражают интересы разных групп европейских элит. В известной мере та же противоречивость в оценках характерна и для современной историографии. См., например: *Folz R. The Coronation of Charlemagne, 25 December 800. London, 1974. P. 132–150; Collins R. Charlemagne. Basingstoke, 1998. P. 141–159; Garipzanov I. The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751–877). Leiden; Boston, 2008. P. 277–282.*

го, символизировавший «восстановление» Западной Римской империи, по сути, юридически оформил существующее положение вещей.

Военная экспансия франков, активизировавшаяся в VIII в., во многом была продолжением войн VI–VII вв. за покорение соседних территорий, но в какой-то момент у этого перманентного, а временами довольно жестокого и кровавого насилия появилось то, что можно было бы назвать *идеологическим обоснованием*. Его возникновение связывают со сменой династий, а своеобразным рубежом, опять же формальным, принято считать 751 г., когда Пипин Короткий, майордом франков и реальный правитель королевства, сместил с трона последнего представителя правящего дома Меровингов и основал собственную династию — Пипинидов-Каролингов³.

Что же изменилось? Если угодно — состояние умов по крайней мере в кругах высшей знати. Франкское общество с конца V в. исповедовало христианство ортодоксального толка. Соседствующие с ним на юге вестготы и лангобарды были арианами. Арабы, которые к VIII в. вплотную подошли к франкским границам и были остановлены в Южной Галлии Карлом Мартеллом, отцом Пипина, исповедовали ислам. Фризы, восточные германцы и западные славяне оставались убежденными язычниками. Но все они в какой-то момент потерпели от франков сокрушительное поражение. Как свидетельствуют большие каролингские хроники, прежде всего, «Анналы королевства франков», нерушимую связь между военными победами и «правильной» религией франки осознавали вполне отчетливо, ведь успехи на поле брани наглядно показывали, на чьей стороне Бог. Победители умели быть благодарными Всевышнему — среди язычников они активно насаждали христианство. А тех, кто упорно этому сопротивлялся, убивали.

³ О событиях 751 г., помещенных в очень широкий исторический, социально-политический, религиозно-идеологический и культурный контекст, подробнее см.: Der Dynastiewechsel von 751: Vorgeschichte, Legitimationsstrategien und Erinnerung / hg. von M. Becher, J. Jarnut. Münster, 2004.

Одновременно происходило углубление процессов христианизации внутри самого франкского мира, особенно заметное в VIII в. Внешними, но весьма убедительными признаками этого явления были, например, стремительный рост числа монастырей, возникавших практически повсеместно, широко распространенная практика основания знатью обителей и церквей на собственных землях, наличие регулярных и весьма щедрых пожалований церковным структурам со стороны самых разных людей — от государей до зависимых крестьян. Наконец, более заметное, чем раньше, стремление к институциональному оформлению отношений знатных семей и церкви, что выражалось в почти непременно церковной карьере младших сыновей, с одной стороны, и практике «пожертвования» (*oblatio*) монастырям еще маленьких детей в качестве будущих заступников рода перед Всевышним — с другой.

Еще один важный момент — превращение христианства в эффективный инструмент решения сложных политических задач. С одной стороны, экспансию франков против лангобардов в конце концов удалось облечь в форму защиты апостольского престола от еретиков-ариан, несмотря на то, что местные правители уже обратились в католичество. С другой — встроить переворот 751 г. в широкий эсхатологический контекст и при активном участии римского папы представить Пипина Короткого и его потомков духовными наследниками ветхозаветного царя Давида, которым предназначено до конца времен править богоизбранным народом. Зримым символом такого родства стал обряд двойного помазания, впервые осуществленный как раз в отношении Пипина⁴.

4 Современники определенно отдавали себе отчет в глубоко символической природе двойного помазания — исторической и эсхатологической одновременно. Об этом недвусмысленно сообщает своим читателям автор т. н. *Clausula de unctione Pippini* (MGH. Scriptores. T. 15(1). Р. 1), историческое ядро которого восходит, по всей видимости, ко второй половине VIII в. См. также русский перевод: Рассказ о помазании Пипина / пер. с лат. И. И. Аникуева // Динastия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники. СПб., 2019. С. 36–41. Там же дается краткий

У современного читателя, живущего, в общем, в атеистические времена, это, вполне возможно, вызовет лишь улыбку, но для знатного франка VIII в. такие вещи имели куда более серьезное значение. Быть духовным наследником Давида⁵ — не только исключительная привилегия, но и тяжелейшая обязанность. Франкские государи отлично это понимали и действовали соответствующим образом.

Пипин Короткий, но в особенности Карл Великий, по имени которого всю династию назовут Каролингской, воспринимали вверенное им Богом королевство как своего рода Ковчег, предназначенный для спасения всех истинно верующих. А свою задачу франкские государи — короли-пастыри — видели в том, чтобы максимально подготовить подданных к будущему Суду и верной дорогой привести их к спасению. Грань между политикой и моралью стала настолько зыбкой, что почти стерлась⁶.

Внешние войны сделались богоугодным делом, потому что позволяли расширить границы христианского мира

обзор основных подходов современных исследователей к анализу этого небольшого, но яркого текста. В каролингскую эпоху сакральная природа помазания, обряда, который манифестировал богоизбранность династии и позволял королям рождать королей, получила свое воплощение не только в текстах, но и в книжной миниатюре. См.: *Alibert D. Sacre royal et onction royale à l'époque carolingienne // Anthropologies juridiques. Mélanges Pierre Braun. Limoges, 1998. P. 19–44*, особ. Р. 24–32.

- 5 Об актуализации образа царя Давида в каролингской политической культуре подробнее см.: Сидоров А. И. Давид и Каролинги: место ветхозаветного царя в политической культуре франков (вторая половина VIII — IX вв.) // Политика истории. К 70-летию доктора исторических наук Марины Павловны Айзенштат / отв. ред. М. С. Бобкова. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 43–67. Там же обзор специальной литературы по проблеме.
- 6 Развернутое изложение этого сюжета с привлечением широкого круга источников см.: Вязгин А. С. Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. СПб., 1912; *Fichtenau H. Das karolingische Imperium. Soziale und geistige Problematik eines Grossreiches*. Zürich, 1949. Очень качественный и емкий обзор по проблеме также см.: *Sassier Y. Royaute et ideologie au Moyen Age. Bas-Empire, monde franc, France (IVe–XIIe siecle)*. Paris, 2002. Р. 116–180.

и вырвать у дьявола души тех, кого еще можно было спасти. Вне этого контекста будет непонятно, например, то неистовое упорство, с которым Карл Великий тридцать с лишним лет воевал в языческой Саксонии. Война стоила франкам огромных материальных и человеческих ресурсов, но ради великой цели имело смысл идти на любые жертвы и оправдывать любую жестокость. Широкое переселение саксов во внутрифранкские области и заселение освобожденных территорий франками, демонстративное уничтожение языческих капищ и вырубка священных рощ, насильтвенная христианизация и массовые публичные казни несогласных стали обыденностью.

Во внутренней политике исключительно большое внимание уделялось исправлению нравов в широком смысле слова, но прежде всего речь шла о глубокой реорганизации церковной жизни⁷. Последняя же была бесконечно далека от какого-либо единообразия, что для слабоинтегрированного общества эпохи раннего Средневековья, в общем, нормально. В разных уголках огромной франкской державы действовали свои правила богослужения и монастырские уставы, зачастую и вовсе заменявшиеся стихийно сложившимися локальными аскетическими традициями. При Пипине Коротком (751–768 гг.) еще до обретения им королевского титула возобновилась практика регулярного созыва церковных синодов, что постепенно позволило регламентировать литургические порядки в рамках отдельных провинций. Но главная работа по унификации была проделана Карлом Великим (768–814 гг.), а затем продолжена его сыном и преемником Людовиком Благочестивым (814–840 гг.).

Божественная истина является собой абсолютную ценность, а ее постижение — главная задача для каждого верующего. Но эта великая цель не будет достигнута, если служить Богу неправильно, например, из-за плохого знания латыни допускать ошибки в молитвах, при пении псалмов и чтении Священного Писания, где даже опре-

⁷ О положении дел во франкской церкви при Каролингах см.: *McKittrick R. The Frankish Church and the Carolingian Reforms, 789–895. London, 1977; Wallace-Hadrill J. M. The Frankish Church. Oxford; New York, 1983. Ch. X–XVI.*

деленный порядок слов есть таинство, и потому его нельзя произвольно нарушать. В середине VIII в. уровень образованности франкского клира был чрезвычайно низок. Поэтому государи уделили первостепенное внимание подготовке квалифицированных кадров⁸. Сначала при дворе и ведущих епископских кафедрах (в Меце, Руане, Реймсе, Париже), а затем уже повсеместно при церквях и монастырях согласно королевским капитуляриям стали открывать школы, где обучали начаткам чтения, письма и счета, осваивали Псалтырь и самые основные правила литургики⁹. Придворная школа заметно отличалась от всех прочих качеством подготовки, поскольку в 70–90-х гг. VIII в. в ней по специальному приглашению короля трудились едва ли не лучшие умы своего времени (Клемент, Павел Диакон, Петр Пизанский, Павлин Аквилейский, Дунгал, Алкуин). Они же написали серию учебников по отдельным дисциплинам тривиума и квадривиума — системы так называемых свободных искусств, унаследованных от Античности.

Обучение предполагало прежде всего освоение латыни, что, в свою очередь, было невозможно без широкого

⁸ Эта инициатива получила зримое воплощение в нескольких важнейших документах последних десятилетий VIII в. Речь идет прежде всего о королевском капитулярии *Admonitio generalis* (MGH. Capitularia regum Francorum. T. 1. P. 53–62), так называемом *Epistola (Encyclica) de litteris colendis* (MGH. Leges. T. 1. P. 52–53), вероятно, составленном Алкуином от имени Карла Великого и адресованном аббату Фульды Баугульфу, а также *Epistola Generalis* (MGH. Capitularia regum Francorum. T. 1. P. 80–81).

⁹ О развитии школьного образования в раннесредневековой Европе подробнее см.: Riché P. Éducation et culture dans l'Occident barbare: VIe–VIIIe siècle. Paris, 1995; Riché P. Écoles et enseignement dans le haut Moyen Âge. Paris, 2000. Об образовательных практиках в Каролингской империи см.: Contreni J. J. The Carolingian Renaissance: Education and Literary Culture // The New Cambridge Medieval History. Vol. II. Cambridge, 1995. P. 709–757. На русском языке см. замечательную антологию переводных источников и тематических исследований: Возлюблю слово как ближнего. Учебный текст в позднюю Античность и раннее Средневековье. Исследование состава школьного канона III–XI вв. / отв. ред. М. Р. Ненарокова. М., 2017.

обращения к трудам античных писателей, не только христианских, но и языческих. Это, в свою очередь, неизбежно приводило к широким текстуальным заимствованиям, жанровому и стилистическому подражанию. Многочисленные прямые и косвенные цитаты из римских классиков наряду с цитатами из Библии и сочинений отцов Церкви встречаются в IX в. едва ли не повсеместно, а такие жанры, как биографии правителей, придворный панегирик, полемический диалог или эклога, еще недавно, казалось, навсегда канувшие в Лету, переживают второе рождение.

Интерес к латинской словесности получил и вполне материальное воплощение — сочинения древних авторов разыскивали в книжных собраниях по всей Европе, тщательно копировали и тиражировали, причем активную роль здесь играли монастырские скриптории. Нужно признать — именно каролингские монахи-переписчики сохранили для нас основной корпус античных текстов: самые ранние, а нередко и наиболее качественные рукописи подавляющего большинства памятников древнеримской литературы, известные сегодня, датированы концом VIII — IX в.¹⁰

Много внимания уделялось избавлению текста Библии от ошибок и разнотечений, накопленных в рукописях за предшествующие столетия¹¹. Эта работа, инициированная Карлом Великим, была блестяще реализована Алкуином — его редакция Вульгаты включала около четырех

¹⁰ В свое время великий французский историк Жак Ле Гофф считал такого рода «накопительство» едва ли не главным достоинством каролингской культуры. С чем согласиться, конечно же, довольно трудно. См.: *Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века*. СПб., 2003. С. 9–10.

¹¹ Плохое качество текстов касалось, разумеется, не только Библии, но было общей проблемой. В начале 830-х годов Луп Ферьерский, один из лучших знатоков латинской словесности среди каролингских эрудитов, в письме к Эйнхарду жалуется на то, что доступные ему рукописи с сочинениями Цицерона полны ошибок (*MGH. Epistolae. T. 6. P. 7–9*). На рус. языке см.: *Луп Ферьерский. Послания / пер. с лат. М. Р. Ненароковой // Памятники средневековой латинской литературы. X–XI века / отв. ред. М. Л. Гаспаров. М., 2011. С. 46–48.*

тысяч исправлений. Оригинальной версии, к сожалению, не сохранилось, но она, по-видимому, легла в основу нескольких каролингских копий, созданных в Туре¹². А одну из них даже снабдили «портретом» великого просветителя, явно отдавая дань уважения его трудам¹³. Параллельно прилагались немалые усилия по унификации литургии. За основу было взято римское песнопение, адаптированное сначала в Меце, а потом и в других крупных епископских центрах. Наконец, уже при Людовике Благочестивом, в первой трети IX в. дошла очередь до реформирования монашества и выработки единых правил киновийного общежития на основе устава св. Бенедикта (его «подлинный» текст также привезли из Италии). Здесь, впрочем, успех был куда менее впечатляющим — искоренить локальные монашеские обычай реформаторам так и не удалось.

В какой-то момент интерес к римской Античности стал универсальным и распространился не только на слово, но и на форму — архитектурную и художественную. Об этом убедительно свидетельствуют сохранившиеся до наших дней редкие памятники каролингского зодчества, а также мелкая пластика и многочисленные иллюминированные рукописи, созданные в мастерских разных уголков империи¹⁴. Этот мощный культурный подъем, опиравшийся на античное, большей частью языческое наследие,

¹² Ganshof F.-L. Charlemagne et la revision du texte latin de la Bible // Bulletin de l'Institut historique Belge de Rome. 1974. № 44. P. 271–281; Fischer B. Bibeltext und Bibelreform unter Karl dem Grossen // Karl der Grosse. Lebenswerk und Nachleben. Bd. 2: Das geistige Leben. Düsseldorf, 1965. S. 156–216; Ganz D. Mass Production of Early Medieval Manuscripts: the Carolingian Bibles from Tours // The Early Medieval Bible, Its Production, Decoration and Use. Cambridge, 1994. P. 53–62; McKitterich R. Carolingian Bible Production: The Tours Anomaly // The Early Medieval Bible... P. 63–77.

¹³ Изображение с подписью *Alcuinus abba* помещено на одном из медальонов в так называемой Библии Алкуина, созданной в Мармутье между 834 и 843 гг.: Bamberg, Staatsbibliothek, Msc. Bibl. 1, fol. 5v.

¹⁴ Довольно подробный, хотя, разумеется, далеко не полный обзор представлен в: Caillet J.-P. L'art carolingien. Paris, 2005.

но глубоко христианский по своему содержанию, в современной науке принято называть Каролингским возрождением¹⁵.

Хотя и не сразу, но система заработала, и к началу IX в. во Франкском королевстве было уже немало хорошо образованных людей, причем не только среди духовенства, но и среди мирян. Они умели читать и писать, обзаводились собственными книжными собраниями, занимались сочинительством. Довольно высокий уровень образованности франкской элиты сохранялся на протяжении еще, по крайней мере, двух-трех поколений, а иные ее представители (Эйнхард, Ангильберт, Эрмольд Нигелл, Рабан Мавр, Луп Ферьерский, Валафрид Страбон, Пасхазий Радберт, Ратрамн, Ремигий, Хейрик Осерский, Гинкмар Реймсский, Ноткер Заика и др.) оставили весьма заметный след в культуре.

Речь идет не только о содержании конкретных сочинений, но и о том, как именно они были написаны. К началу IX в. сложилась парадоксальная ситуация: даже на землях бывшей Римской империи латынь перестала быть по-настоящему живым языком, чутко реагирующим на малейшие социальные изменения, а в германских землях она и вовсе была чужеродным элементом¹⁶. Об этом убедительно свидетельствуют, например, Страсбургские

¹⁵ О Каролингском возрождении подробнее см.: *Panofsky E. Renaissance and Renascences in Western Art*. Stockholm, 1960. P. 42–113; *Patzelt E. Die karolingische Renaissance*. Graz, 1965; *Contreni J. J. The Carolingian Renaissance...*; *Brown G. The Carolingian Renaissance // Carolingian Culture: Emulation and Innovation*. Cambridge, 1994. P. 1–51; *Bullough D. A. Carolingian Renewal: Sources and Heritage*. Manchester; New York, 1991; *Сидоров А. И., Карпов К. В., Пожидаева А. В., Ковалевская С. В., Лебедев С. Н. Каролингское возрождение // Православная энциклопедия*. Т. 31. М., 2013. С. 280–298.

¹⁶ О трансформации латыни в раннесредневековой Европе см.: *Banniard M. Viva voce. Communication écrite et communication orale du IVe au IXe siècle en Occident Latin*. Paris, 1992; *Id. Du latin aux langues romaines*. Paris, 1997. О лингвистической ситуации в Каролингской империи см.: *Id. Language and Communication in Carolingian Europe // The New Cambridge Medieval History*, с. 700–900. Vol. II. Cambridge, 2008. P. 695–708.

клятвы, произнесенные на *lingua romana* и *lingua teudisca* в феврале 842 г. Карлом Лысым и Людовиком Немецким, а также их войсками из западной (романской) и восточной (германской) частей империи по случаю заключения военного союза¹⁷. Тем не менее латынь продолжала оставаться главным, а порой и единственным средством коммуникации в нескольких ключевых сферах общественной жизни, таких как государственное управление, судопроизводство, отправление культа. Сюда же следует отнести образование, научную и литературную деятельность. Помимо прочего, это означало одну важную вещь — тысячи людей, не важно, по служебной ли необходимости, или по велению души, должны были осваивать мертвый, но совершенно необходимый язык, опираясь почти исключительно на тексты. Кто-то ограничивался минимальным знанием грамматики и лексики, а кто-то благодаря таланту и работоспособности поднимался к подлинным вершинам лингвистической эрудиции и демонстрировал поистине виртуозное владение словом.

Высокая каролингская латынь, в том виде, в каком мы ее знаем по сохранившимся памятникам, — явление уникальное для раннего Средневековья. Это не только инструмент, при помощи которого создавались самые разные тексты, но особый язык, до предела насыщенный аллюзиями и образами, которые связывали в единое целое совершенно разные исторические и культурные пространства (ветхозаветный мир, языческую древность, позднеантичное христианство, германское варварство). Прежде всего, это был язык Библии, но также Вергилия, Овидия, Цезаря, Саллюстия, Тита Ливия, Цицерона, Тацита, Юстина, Оригена, Иеронима, Орозия, Кассиодора, Августина, Сульпиция, Пруденция, Григория Великого, Венанция Фортуната, Григория Турского, Исидора Севильского, Беды... Это был универсальный или, если угодно, в полной мере имперский язык, богатство, многослойность и интеллектуальная сложность которого были по-настоящему понятны и потому особо ценные для

¹⁷ Nithardi Historiarum libri III / ed. E. Müller // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannover, 1907. P. 36–37; MGH. Scriptores. T. 2. P. 665–666.

очень немногих, может быть, пары сотен эрудитов по всей Европе. Но его возможностями эти люди пользовались в полную силу. Высокая каролингская латынь была для них такой же, а может быть, и более важной формой групповой идентичности, как семейная, этническая, социальная или институциональная принадлежность. Не только содержание, но и форма текста, не важно, шла ли речь о солидном богословском трактате, велеречивом стихотворном панегирике или совершенно ординарном частном письме, позволяли авторам и читателям безошибочно опознавать своих¹⁸.

Не удивительно, что ярче всего Каролингское возрождение проявило себя именно в словесности¹⁹. От вто-

18 Удивительный пример такого рода мы находим в «Эпитафии Арсения» (полный перевод этого замечательного произведения, выполненный Р. Л. Шмараковым, приведен в настоящем издании). Ее автор Пасхазий Радберт, высокомудрый корбийский монах, блестящий богослов, будущий святым, в беседе с другими монахами Корби дважды клянется... Геркулесом (Кн. II, гл. 1, 10). Разумеется, это во все не означает, что он верил в языческих богов. Дело тут совершенно в другом. Клятва именем Геркулеса — общее место в комедиях Теренция, которые хорошо знали, любили и ценили именно в Корби. За пределами обители сочинения этого древнеримского автора были известны куда хуже. Пасхазий таким образом идентифицировал себя со своей общиной и апеллировал к читателям, которые понимали литературный контекст и были в состоянии оценить такой прием.

19 К сожалению, сколько-нибудь полной истории каролингской литературы до сих пор не написано. К тому есть объективные обстоятельства — весьма значительная часть текстов второй половины VIII — начала X в. не опубликована. Речь идет не только о многих тысячах страниц библейской экзегетики, сегодня мало кому интересной за пределами очень узкого круга специалистов, — литературное наследие даже таких ключевых авторов, как Алкуин, все еще известно далеко не в полной мере. В этом смысле больше других жанров повезло поэзии, да еще, пожалуй, жизнеописаниям. См.: Godman P. Poetry of the Carolingian Renaissance. Oxford, 1985; Id. Poets and Emperors: Frankish Politics and Carolingian Poetry. Oxford, 1987; Stella F. Poesia carolingia latina a tema biblico. Spoleto, 1993; Id. The Carolingian Revolution. Unconventional Approaches to Medieval Latin Li-

рой половины VIII — IX в. сохранились сотни сочинений самого разного толка — поэзия, письма, исторические труды, агиография, видения, мартирологии, научные, дидактические и теологические трактаты, обширные комментарии на отдельные книги Библии и др.²⁰ Разумеется, качество их неоднородно. Тем не менее все они так или иначе свидетельствуют о состоянии умов, фиксируют определенный способ мыслить и транслируют специфический взгляд на окружающую действительность, характерный для образованной части франкского общества.

Формально Каролингская империя просуществовала недолго. Уже в начале 830-х гг. она погрузилась в пучину тяжелейшего внутриполитического кризиса, едва не стоившего трона Людовику Благочестивому²¹. В 843-м его сыновья Лотарь, Людовик Немецкий и Карл Лысый после череды междуусобных войн поделили державу между собой, заложив основы будущих Италии, Германии и Франции. Со второй половины IX столетия власть Каролингов медленно, но верно угасала — им приходилось бороться одновременно с могучими аристократическими кланами

terature I. Turnhout, 2020; Ярхо Б. И. Поэзия Каролингского возрождения. М., 2010; Ненацкова М. Р. Каролингская эклога: теория и история жанра. М., 2012; Berschin W. Biographie und Epochenstil im lateinischen Mittelalter, Bd. III: Karolingische Biographie, 750–920 n. Chr. Stuttgart, 1991.

²⁰ Известное представление о богатстве и разнообразии каролингского литературного наследия отечественному читателю может дать относительно небольшая, но качественная антология, подготовленная под руководством М. Л. Гаспарова. См.: Памятники средневековой латинской литературы, VIII–IX века. М., 2006. Сочинения еще некоторого количества каролингских авторов попали в следующий том. См.: Памятники средневековой латинской литературы, X–XI века... С. 45–139.

²¹ Майке Де Йонг сделала, может быть, лучший анализ этого во всех смыслах переломного для Каролингской империи правления. См.: *De Jong M. The Penitential State: Authority and Atonement in the Age of Louis the Pious, 814–840*. New York, 2009. В развитие темы также см.: *Charlemagne's Heir. New Perspectives on the Reign of Louis the Pious (814–840)* / ed. P. Godman and R. Collins. Oxford, 1990; *Booker C. M. Past Convictions: The Penance of Louis the Pious and the Decline of the Carolingians*. Philadelphia, 2009.

и собственным епископатом, ограничивать возросшее влияние папства, а также противостоять постоянному военному давлению норманнов и венгров. Ни сил, ни ресурсов на все не хватало, да и само некогда многочисленное семейство стремительно вырождалось²². В Италии династия пресеклась в 905-м, в германских землях — в 911-м, в Западной Франции — в 987-м. Каролинги уступили место новым правителям новых государств. Однако каролингское наследие не кануло в Лету. Возрожденная, а по сути дела заново созданная Карлом империя, несмотря ни на что, продолжала жить в умах европейцев, подарив им то самое чувство политического, идеологического и культурного единства, благодаря которому в конце концов родилась европейская цивилизация.

* * *

Поэтические и прозаические тексты, собранные в данной книге, посвящены истории в широком смысле слова — далекому и совсем недавнему прошлому, отдельным персонажам и небольшим сообществам²³. Они существенно разнятся между собой по форме, содержанию, жанровой принадлежности, литературным достоинствам, цепеполаганию и аудитории, но позволяют современному читателю составить достаточно полное представление об исторической культуре каролингской эпохи времен ее наивысшего расцвета. Позволим себе обозначить некоторые существенные элементы этой культуры.

Историческое сознание франков было подчеркнуто эсхатологичным. Взгляд на прошлое и настояще определялся перспективой совсем скорого наступления неиз-

²² MacLean S. Kingship and Politics in the Late Ninth Century: Charles the Fat and the End of the Carolingian Empire. Cambridge, 2003.

²³ Для общего введения в проблематику см.: McKitterick R. History and Memory in the Carolingian World. Cambridge, 2004; Сидоров А. И. Историческая книга во времена Каролингов в контексте книжной культуры франков (VIII–X вв.). СПб., 2015; Он же. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху Каролингского возрождения. СПб., 2006.

бежного будущего — Второго Пришествия Христа и Страшного суда, которыми завершится земная история человечества. Об этом свидетельствует, прежде всего, бурный расцвет анналистики (происходивший одновременно с расцветом компиляции) в самых разных формах²⁴. Анналы — записи о событиях, случившихся в течение отдельных лет, обычно очень простые, но иногда и довольно пространные, являли собой настойчивые попытки их составителей осмыслить необратимое течение времени, сориентироваться на линейной хронологической шкале и понять, сколько еще осталось, — впереди. Каролинги — духовные потомки Давида — представлялись современникам правителями царства конца времен. Более того, они и сами себя позиционировали именно так, в том числе и через выбор определенной формы исторического повествования. С 780-х гг. при дворе начали составлять так называемые «Анналы королевства франков» — обширную хронику, которая охватывала события в пределах известной франкам ойкумены (от Малой Азии и Испании до Британских островов, Скандинавии и западнославянских земель). Рукописи с текстом анналов рассыпались в разные части империи, где они становились питательной средой для появления местных памятников исторической мысли самого разного толка. В том числе и таких значительных, как «Муассакская хроника» или «Хроника» Региона.

Но порой эсхатологическое начало влияло на нарратив весьма причудливым образом. Например, в выдающемся историко-литературном памятнике «Карл Великий и папа Лев» оно определенно задавало параметры для формирования образа правителя франков как всесмогущего демиурга, способного подчинить своей воле и диких зверей, и необузданных язычников, а еще возвести второй Рим в самом сердце германского мира, обустроить жизненное пространство, позаботиться о Церкви и об избранном Богом народе. В этой поэме нашли свое

²⁴ Об эсхатологической природе каролингских анналов подробнее см.: Сидоров А. И. В поисках исчезающего времени (к вопросу о феномене средневековой анналистики) // Средние века. 2018. Вып. 79 (3). С. 14–43.

отражение ключевые идеи, вокруг которых формировался новый мир, и рассказывается о людях, которые этот мир создавали. Она глубоко исторична по сути, хотя считается, что поэтическая форма будто бы не слишком располагает к достоверности (об особого рода поэтической правде и порождаемых ею смыслах, важных для историка, подробнее см. статью О. С. Воскобойникова в Приложении).

Вторая характерная черта, определяющая историческое сознание каролингских эрудитов — склонность к экзегетике. Страсть к интерпретациям, к поиску истинных смыслов слов, поступков и событий — вообще характерная черта каролингской культуры. Культуры, основанной на постоянной рефлексии по поводу Священного Писания. Не случайно едва ли не самым вос требованным направлением интеллектуальной работы в эту эпоху было составление бесконечных комментариев к отдельным книгам Библии²⁵. История творится исключительно по воле Бога, а значит, она подобна книге, которую надо правильно прочитать. Такой взгляд на прошлое можно встретить практически повсеместно. Комментаторы Библии отлично знали, что новозаветная история уже предсказана в Ветхом Завете. Однако многие каролингские эрудиты шли дальше и смотрели через призму ветхозаветной истории непосредственно на окружающую их действительность. Отсюда нередкие параллели между франкскими государями и ветхозаветными персонажами, прежде всего, Давидом и Соломоном, но также Саулом, Ахавом, Самсоном и др. Равным образом Пасхазий Радберт не усомнился сравнить героя «Эпитафии Арсения» аббата Валу с пророком Иеремией — со всеми вытекающими отсюда хорошо понятными современникам интерпретациями исторических реалий 20–40 гг. IX в.

²⁵ О разновидностях и формах каролингской экзегетики эпохи ее наивысшего расцвета подробнее см.: *Cantelli S. L'esegesi al tempo di Ludovico il Pio e Carlo il Calvo // Giovanni Scoto nel suo tempo. L'organizzazione del sapere in età carolingia. Atti del XXIV Convegno storico internazionale (Todi, 11–14 ottobre 1987) / éd. E. Menestò, C. Leonardi. Spoleto, 1989. P. 261–336.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru